

ФРЕДРИК БРАУН

чай, кофе
и убийства

ФРЕДРИК БРАУН

СМЕРТЬ
ТОЖЕ
ОШИБАЕТСЯ...

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б87

Серия «Чай, кофе и убийства»

Fredric Brown
THE DEAD RINGER

Перевод с английского *М. Прокопьевой*

Серийное оформление *В. Воронина*

Оформление обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения наследников автора
и литературного агентства Scott Meredith Literary Agency.

Браун, Фредрик.

Б87   **Смерть тоже ошибается...** : [роман] / Фредрик Браун ; [пер. с англ. М. Прокопьевой]. — Москва : Издательство АСТ, 2017. — 256 с. — (Чай, кофе и убийства).

ISBN 978-5-17-102870-1

Странствующий по Америке цирк шапито преследует проклятие — вереница странных пугающих событий кажется бесконечной.

Все началось с убийства никому не известного лилипута, обнаженное тело которого было обнаружено на территории цирка. Дальше — больше; его смерть стала лишь первым звеном в цепочке таинственных убийств и крайне подозрительных «несчастных случаев». И самое странное обстоятельство — то, что убийца, похоже, подбирает своих жертв... по размеру.

Не в силах больше стоять в стороне, к расследованию подключаются бывший частный сыщик, а ныне — владелец собственного аттракциона в цирке Эмброуз Хантер и его юный племянник Эд...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-102870-1

© Fredric Brown, 1949
© Перевод. М. Прокопьева, 2017
© Издание на русском языке,
AST Publishers, 2017

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ЭД ХАНТЕР — ненавидит убийства, но они постоянно случаются рядом с ним.

ЭМ ХАНТЕР — дядя Эда, бывший частный сыщик, ныне владелец киоска в цирке шапито, где они оба работают.

РИТА ВАЙМАН — сексапильная блондинка, притягивающая неприятности; работает в стрип-шоу.

АРМИН ВАЙСС — капитан полиции в Эвансвилле, штат Индиана. Выглядит как тупой коп.

ХОУГИ — читает лекции по сексуальному воспитанию в цирке шапито.

ЛОН СТАФФОЛД — лилипут, которого никто не знал, пока его не убили.

ФЛО ЧЕРВИНСКИ — держит меблированные комнаты в Цинциннати.

ЭСТЕЛЬ БЕК — тоже работает в стрип-шоу, но менее красива и опасна, чем Рита.

ЛИ КЭРИ — фокусник, поклонник джаза.

БУКЕР Т. БРЕНТ — семилетний вундеркинд, отбивающий чечетку; прозвище Джигабу.

Глава первая

Ничто в этот день не предвещало убийства. Был он нунылый и серый, но теплый, и в цирке собралась приличная толпа. Мы неплохо выступили. Было пятнадцатое августа, четвертый день нашего пребывания в Эвансвилле, штат Индиана.

Около половины седьмого — мы как раз начали готовиться к вечернему представлению — полил дождь. Обычно для цирка шапито это катастрофа, но на сей раз никто особенно не расстроился. Вот уже несколько недель, пока мы колесили по южному Огайо и Кентукки, стояла отличная погода, мы работали каждый день и не могли пожаловаться на заработок. Для разнообразия вполне можно было один вечер устроить себе отдых.

Дядя Эм только открыл наш киоск с призовой игрой, и тут в сумерках упали первые крупные капли. Он запрокинул голову и посмотрел на небо. Несколько капель попали ему на лицо и, поблескивая, повисли там. Дядя снова закрыл киоск и широко улыбнулся.

— Ну, Эд, — сказал он, — похоже, у нас выходной.

— Может, дождь скоро закончится, — предположил я.

— Думаю, зарядил на всю ночь. Еще и ветер поднимется. Давай-ка веревкой привяжем.

Смерть тоже
ошибается...

Мы убрали бейсбольные мячи, деревянные бутылки из-под молока, две полки с призами и достали непромокаемые плащи. Я надел шляпу. Со своей дядя Эм вообще никогда не расстается, разве что когда спит. У него мягкая черная шляпа с широкими опущенными полями вроде той, которую носит Тень, но на этом сходство моего дядюшки с Тенью заканчивается: он низкорослый, весьма упитанный, у него веселое круглое лицо и не слишком аккуратные каштановые усы.

Мы достали веревку и привязали боковые стены нашего киоска к каркасу двойным рыбацким узлом. Дождь усилился. Повсюду на аллее работники цирка делали то же самое и снимали афиши. Мы также привязали палатку, в которой спали, к будке с нашим аттракционом.

К этому времени дождь поутих, превратившись в мелкую морось, но дядя Эм утверждал, что это он так нас дурачит.

— Сегодня открывать не будем. Наверное, я схожу в Джи-топ. Почему бы тебе не сгонять в город, посмотреть кино?

— Я останусь здесь, — ответил я. — Хочу поиграть на тромбоне, к тому же у меня есть журнал с детективами.

Дядя кивнул и ушел, а я вернулся в палатку, включил свет и достал свой отличный тромбон, который дядя подарил мне, когда в прошлом году после смерти отца я устроился работать в цирк.

Этот тромбон до сих пор вызывал у меня восторг. Некоторое время я просто сидел, держа его в руках и наслаждаясь соприкосновением с ним. У него была легкая, как перышко, кулиса, которая двигалась так, что не ощущалось ни трения, ни веса. Я полировал его позолоченное покрытие, словно

драгоценность. Инструмент приятно было просто держать в руках и смотреть на него.

Посидев так, я начал играть гаммы, а потом сыграл несколько мелодий по памяти. Неплохо. Но когда я взял высокие ноты, они у меня не получились, и, наверное, это звучало ужасно. Позади послышался смех, и я обернулся. В палатку просунулась голова Хоуги, а потом, широко улыбаясь, вошел и он сам. С его ярко-желтого непромокаемого плаща стекали капли дождя. Хоуги был такой огромный, что, казалось, занимал собой половину палатки, и ему пришлось слегка наклонить голову, чтобы не задеть шляпой полотняный потолок.

— Эд, я думал, тут кого-то режут, — сказал он. — Заглянул, чтобы проверить.

Я улыбнулся:

— Ты только что вернулся, Хоуги?

— Пару минут назад. Все готово к переезду в Саут-Бенд на следующей неделе. Там и место хорошее.

Несколько дней в неделю он подрабатывал антрепренером, поскольку наш штатный антрепренер уволился. Обычно Хоуги выступал в интермедии с лекциями по сексуальному воспитанию, но в большинстве городов его номер вызвал бурное негодование, и организаторы ярмарки решили отказаться от таких рода лекций до конца сезона.

— Как твоя шимпанзе, Хоуги? — спросил я.

Он помрачнел:

— Все еще болеет. Я сразу заглянул в трейлер, посмотреть, как она. А где Эм? Играет?

Я кивнул, и Хоуги вышел из палатки. Дождь снова усилился, отбивая равномерную дробь по полотняной крыше у меня над головой. Послышались раскаты грома. От этого низкого, далекого грохота почему-то становилось страшно. Вроде и зна-

Смерть тоже
ошибается...

ешь, что это всего лишь тучи ударяются друг о друга, но звук напоминал рычание какого-то зверя, огромного и страшного, которого нельзя опознать по голосу, но он казался большим и смертоносным, хотя и находился далеко.

Я надел дождевик и зашагал по аллее. Дождь стучал по моей шляпе, как по барабану, и земля на территории цирка начала превращаться в раскисшую грязь. К счастью, наклонная поверхность поможет избежать образования глубоких луж, а с грязью справятся опилки.

Я пересек аллею и направился к зеленому фургону, расположенному за шатром шоу уродов. В фургоне горел свет, и когда я постучал, Ли Кэри пригласил меня войти. Он улыбнулся и произнес:

— Можешь послушать граммофон. Правда, я сейчас ухожу.

— Есть новые пластинки?

— Альбом Джимми Дорси. Хорошая музыка.

Он надел непромокаемый плащ и вышел, а я включил портативный граммофон и поставил альбом Дорси. Действительно, хорошая музыка. Но в небе грохотало все громче, и я не мог сосредоточиться на музыке. Да ну ее, решил я и снова направился на улицу.

Дождь лил как из ведра. Я поспешил обратно к нашему киоску и обнаружил там дядю Эма, который стоял под козырьком фургона с попкорном и следил за нашей палаткой. Поднялся ветер, но не очень сильный.

Мы немного поговорили с ним, а когда дождь и ветер слегка поутихли, дядюшка Эм вернулся в Джи-топ. Если кто не в курсе, Джи-топ — палатка, где циркачи играют в карты между собой, в своем кругу. Чужакам — то есть людям со стороны — сюда вход заказан, это дело чисто семейное.

Я пошел с дядей, немного понаблюдал, как он играет в рамки, но задерживаться там не стал.

После нескольких партий я вернулся в палатку, в которой мы спали. Под дождевик залилась вода, я разделся и принялся вытираться полотенцем. Пока я этим занимался, неожиданно погас свет. Причем не только у нас в палатке, но на всей территории цирка. Выглянув на улицу, я увидел, что везде царит крошечная тьма.

Выругавшись, я на ощупь отыскал спички и зажег карбидную лампу, которую мы использовали только в чрезвычайных ситуациях. Я как раз переодевался в сухие трусы, когда в палатку вошел дядя Эм.

— С тобой все в порядке, сынок? — спросил он.

— Да, — кивнул я. — Что случилось?

— Молния ударила в какие-то провода и подожгла дизельный генератор. Сегодня его не починят — вся обмотка сгорела. Гроза закончилась, но напоследок выстрелила по нам.

Когда он ушел, я достал журнал с детективными историями и попробовал почитать. Но меня все сильнее клонило в сон. Снова начался легкий дождик, который то прекращался, то моросил. Сквозь тихий стук дождя я услышал, как бьют часы, а затем далекий свисток поезда. Тихо шипела карбидная лампа, мягко гудел дождь, скучный рассказ все больше усыплял меня... и в конце концов уснул.

Мне кажется, выстрела я не слышал. Если и слышал, то его звук затерялся в снах, которые мне снились, а это я плохо помню.

Меня разбудил голос дяди Эма.

— Эд! — позвал он с порога. — С тобой все нормально?

Я сел на койке.

— Ну да... А что?

Смерть тоже
ошибается...

— Только что раздался выстрел. Я подумал, может...

Он не договорил. Видимо, дядя решил, что я взял ружье тридцать второго калибра, которое он хранил в сундуке, и оно случайно выстрелило.

Дядя зашел в палатку, за его спиной возник огромный силуэт. Это был Хоуги. Он наклонил голову, чтобы не задеть головой потолок.

— Говорят, стреляли где-то возле шатра сайд-шоу. Ты идешь туда, Эм?

Видимо, именно туда дядя Эм и отправился, поскольку я вдруг остался в палатке один. Все еще пребывая в полусне, я опустил ноги на пол и натянул сапоги. Снаружи доносилось множество голосов и чавкающий звук шагов по раскисшей земле. Дождя больше не было слышно.

Я быстро накинул дождевик прямо на голое тело. Это было неприятно, на коже он казался холодным и липким. На ходу застегивая плащ, я выскочил на улицу, обогнул наш киоск и выбрался на аллею. Все еще моросил мелкий дождик.

Я влился в поток людей, двигавшихся в направлении шатра сайд-шоу. У многих в руках были фонарики. Конечно, я не удосужился захватить свой фонарик, поскольку спросонья не сообразил, что на аллее темно, хоть глаз выколи. Но, следуя за остальными, умудрился дойти до шатра сайд-шоу и даже ни обо что не споткнуться.

Забор, окружавший шатер, я нашел довольно легко — просто в него врезался. Я перелез через забор, на ощупь отыскал дорогу к полотну, умудрившись не запутаться, и пролез под боковой стеной.

Внутри было светло. Неровные танцующие лучи примерно двадцати фонариков заливали помещение

тусклым светом. Но одно место, в самом центре, было освещено очень ярко.

Вокруг толпилось много людей. Мне не было видно, что они там рассматривают. Приблизившись к плотному кольцу, окружавшему это место, я встал на цыпочки и вытянул шею, пытаясь заглянуть поверх голов.

В этот момент стоявший передо мной человек отошел, и я разглядел то, что лежало в траве. Лучше бы я этого не видел.

На траве, лицом вниз, лежал ребенок, совсем голый. Судя по всему, мальчик, лет шести-восьми. У него была очень бледная кожа и коротко подстриженные темные волосы.

Из спины у него торчала рукоятка ножа. Тяжелая. Нож напоминал один из тех метательных ножей, которыми пользовался в своем выступлении Австралия. Мальчик был мне не знаком. По крайней мере со спины я его не узнал.

Сзади напирала другая люди, некоторые из них взволнованно обсуждали происшествие. Напротив меня Папаша Дженни опустился на колени и приложил руку к плечу мальчика.

— Мертвое не бывает, — произнес он. — Совсем холодный.

Он быстро отнял руку. Кто-то сказал: «Господи Иисусе!», и это прозвучало вполне искренне.

— Не трогайте его, — проговорил кто-то третий. — Не передвигайте тело!

Еще упомянули копов, выругались.

Я попятился и вышел из кольца людей. Неподалеку стояла другая группа, поменьше, и там я заметил дядю Эма и Хоуги. Они собрались вокруг кого-то, кто сидел на краю платформы уродов. Человек всхлипывал с таким надрывом, будто вот-вот

Смерть тоже
ошибается...

готов был впасть в истерику. Судя по звуку, это была девушка. До смерти перепуганная девушка.

Мне и самому было не по себе. Конечно, я не испугался, как та девушка, но меня слегка мутило.

Я отошел к выходу и прислонился к рекламной сцене, гадая, кто, черт возьми, мог прирезать мальчишку и зачем. Пытался определить, что это за мальчишка, но не мог. Странно, ведь в цирке было много детей, и я полагал, что знаю их всех, если и не по имени, то хотя бы в лицо.

Среди цирковых детей мне особенно нравился один мальчишка такого возраста и комплекции, паренек по прозвищу Джигабу, который танцевал чечетку в шоу. В свои семь лет Джигабу чувствовал ритм ногами лучше, чем Крупа руками. Но этот ребенок с мертвенно-белой кожей был не Джигабу. Исполнитель чечетки был черный, как уголь.

И все же, подумал я, мальчишка, который лежит там, наверняка из цирка, а не из города. Городской ребенок мог оказаться возле палатки интермедии в столь поздний час, но уж никак не без одежды. А вот для циркового ребенка это было не так уж странно. Многие работники нашего цирка в жару спят голышом. Ребенок тоже мог, однако...

Через минуту-другую тошнота прошла, и хотя во рту все еще ощущался неприятный привкус — в прямом и переносном смысле, с обедом я пока расставаться не собирался.

Я услышал, что меня зовет дядя Эм, крикнул ему в ответ: «Да» и собрался вернуться в шатер, когда дядя Эм, Хоуги и девушка вышли мне навстречу. Девушка шла между ними, они обнимали ее за плечи. Она была в длинном непромокаемом плаще зеленого цвета, зеленом берете и заляпанных грязью тапочках на высоком каблуке. На

плаще и обнаженных ногах тоже виднелись обильные следы грязи. Девушка слегка наклонялась вперед, закрыв лицо руками, и все еще тихонько всхлипывала.

Дядя Эм тихо разговаривал с ней.

— Рита, — сказал он, — ты знакома с моим племянником Эдом? Его зовут Эд Хантер, такая же фамилия, как у меня. Послушай, он хороший парень. Покатайтесь с ним по городу, пока тебе не станет лучше. Пусть он на время увезет тебя отсюда.

Девушка перестала плакать и опустила руки. Теперь я узнал ее. Это была одна из новых девушек в стрип-шоу, которая поступила на работу к нам в цирк в Луисвилле и выступала всего неделю. Я видел ее пару раз. Я вспомнил, что она симпатичная, хотя сейчас, когда все лицо у нее распухло от слез, а на щеках виднелась грязные потеки, о ней трудно было такое сказать.

— Привет, Эд, — промолвила она и попыталась улыбнуться.

Я забыл о неприятном чувстве в животе и во рту и улыбнулся в ответ. Мне пришло в голову, что, возможно, убитый мальчишка приходится ей братом или еще каким-нибудь родственником. Но уж точно не сыном — она была не намного старше меня, а то и вообще ровесница. У нее никак не могло быть ребенка такого возраста. На вид ей можно было дать не более восемнадцати лет.

Дядя Эм оставил ее с Хоуги и приблизился ко мне. Взяв меня за руку, он наклонился, чтобы другие не слышали его слов, и тихо произнес:

— Это она обнаружила мальчишку, Эд. Споткнулась о труп в темноте, когда шла через шатер. Наверное, в нужник. Она чуть с ума не сошла. Послушай, отвези ее...

Смерть тоже
ошибается...